

День и ночь отпевает
 расхристанный ветер
Расставальный разлучный
 рассвет...
И щебечут птенцы —
 соловьиные дети:
«Смерти нет, смерти нет!
 Смерти нет...»

Всё это есть. Видишь,
 всё это здесь:
Радость роднится с печалью,
Лисью хвалу и крысиную спесь
Ласточки в небо умчали.

Ливень обрушился с хрупких
 небес,
Словно шальной новобрачный...
Всё это есть. Слышишь?
 Всё это лес.
Капли сквозные прозрачны.

Всё это вспомнилось, всё это есть:
Осень не стала июном,
С ливнем блажная нахлынула
 весть
Та, что должна быть благою!..

Весть, что по огненным
 листьям рудым,
Радости не отвергая,
Вьедливой осени лиственный
 дым
Поздним теплом настагает.

Тех, кто взахлёб целовал
 листобой,
Истина встретит нагая...
Двух своевольниц.
 Не нас ли с тобой,
Осень моя дорогая?..

Дни походят один на другой:
Монотонней, рассудочней,
 строже.
Мы не стали друг другу дороже
Этой жгучей злорадной зимой.

Небывалое солнце взошло.
С неба валяются снежные хлопья,
Низко падать — привычка
 холопья,
Снег таит, а не тает. Тепло...

Нам ниспущена свыше зима,
Чтобы выбелить грешные мысли,
Гнётся радужное коромысло,
И сугробов полны закрома.

Прогоняя февральские сны,
Скинет снег и расправит иголки,
Снова став и надменной,
 и колкой,
Корабельная мачта сосны.

Вот и я, в бесприютность смотря,
Взглядом лёд на стекле выжигаю.
...Как союзница близкого мая,
Мне навстречу светает заря...

У природы своё ремесло —
Завершать, начиная сначала...
Я сегодня любовь проморгала
Так легко, что до слёз тяжело!..

Чураюсь собственного смеха,
Смятенна — ни добра, ни зла.
Моё обманчивое эхо —
Роса и мгла.

По маргариткам, горицветам,
По заговорам бытия

Наши слёзы судьбой обоснованы,
Хоть и льются, конечно,
некстати.
Все слова давно зарифмованы,
Всё слова и слова, может,
хватит?

Весь словарный запас
разбазарен,
И отыгрываться — бездарно.
Посмотрите на нас, мы — парии,
Как звучит-то высокопарно!

Кто поэтской не вышел рожею,
Недоумок, считай, калека,
Правда, важно здесь быть
хорошим,
Понимающим человеком?

Мы сегодня чертовски смелые:
Дружбой преданы, в мифы
проданы,
Литпроцесс пусть другие делают,
Перепутав подлых и подлинных...

Из редакции выйдешь на улицу —
сотни машин,
И мелькание фар по дорогам
разбито невзрачным,
А в тиши кабинетной Василий
Макарыч Шукшин
С фотографии смотрит,
прищурившись неоднозначно.

Нам, Василий Макарыч, поэтам,
не всё ли равно,
Что приятъ за роман откровенный
с финалом счастливым?
А иначе-то разве бывает
в хорошем кино,
Где вздыхают и смотрят
искательно и сиротливо?..

Нам, Василий Макарыч,
избыть бы тщету-кутерьму,
Саркастически лыбиться всем,
ко всему безучастным.
Только русский привык жить
по сердцу, а не по уму,
Зарекаться и снова рыдать
под калиною красной!

Сердце-сердце смятенное...
Как быть спокойным ему,
Принимая и радость, и боль,
и судьбу добровольно,
И закат, и восход, и навет,
и суму, и тюрьму,
Хоть и крикнуть охота порой:
«...Презираю. Довольно!»,

Недовольная выйдешь навстречу
ревенью машин,
Мельтешению фар и неоновым
вывескам злачным...
И спиной ощутишь, как Василий
Макарыч Шукшин
Одиноко с портрета глядит,
ухмыляясь наждачно.

В пространстве, что разбито,
как стекло,
И где хрустят осколками
надежды...
Люблю тебя надсадно и светло,
Люблю тебя безвыходно
и нежно.

Кольцо на скупку отдала
в ломбард,
Но это вряд ли что-нибудь
изменит.
Ему и скупщик, кажется, не рад,
Определяя трёхгрошовый
ценник.

У скупщика спрошу, почём талант —
Особенное в мире достоянье!
И ясень, надорвавшийся атлант,
Мне лист уронит в виде подаянья.

Пойду лесной тропой по чудеса,
Но не найду заветные зарубки
На ясенях и кедрах... Все леса
Срубили на дрова для той же скупки...

Что делать? Никогда не помнить зло,
Не ранить мир своей улыбкой колкой.
Грусть привечать азартно и светло,
Брести по окровавленным осколкам.

Предвидя всё земное наперёд,
Не спрашивать, за что, за что мне это?
Любить светло за то, что всё пройдёт
И станет вдохновением и светом.

